

Конструктивно-аналитико-критическое введение к мышлению переживаемой эпохи

Нашу общественно-историческую действительность надо прежде всего ПОНЯТЬ, то есть выразить «в форме мысли и понятия», – как говорил Г.В.Ф. Гегель. Существует (и широко распространена!) другая интерпретация действительности: в форме **представлений, т. е. чувственных образов**, при оперировании которыми действительность выступает как заскорузло-окаменевшая, неподвижная, лишённая противоречий перехода в высшее историческое состояние.

Но в том-то и состоит проблема ПОНИМАНИЯ, что нам она пока не дана во всей её конкретности, ибо «реформаторы» **не осознают своего собственного сознания в том «критическом ключе», который необходим**, чтобы поднять мышление и сознание до того уровня, который сегодня необходим, чтобы постижение действительности стало *адекватным переходу* в новую цивилизацию.

Реформирование России сегодня – это и есть обеспечение её перехода в цивилизацию нового типа. И только в этом и именно в этом должно состоять *мышление*, адекватно выражающее *реформирование* нашего общества, что не следует путать с *реставрацией* некоего подобия капитализма.

Мышление, озабоченное реформированием нашего общества, должно быть *фундаментальным*. Но быть *фундаментальным* в данном случае – значит учитывать и практически воплощать ту субстанциональность общественной жизни, которая грядёт – иметь развёрнутую программу действий, объясняющую положение нашей страны, во-первых, и – принципиальные черты неизбежно грядущей эпохи, во-вторых.

Но такого понимания пока нет. И заблуждаются те, кто, цитируя Ф.И. Тютчева (1803-1873), полагают, что «в Россию можно только верить». Россию надо знать! Россию можно ПОНИМАТЬ. Россию ДОЛЖНО ПОНИМАТЬ!

ПОНИМАНИЕ необходимо гносеологически выстроить как систему понятий, отражающих систему социальной жизнедеятельности, которая только и может нас спасти.

Достичь этого понимания возможно. Но для этого необходимо предвидеть основные признаки грядущего общества (и помнить при этом о нашем недавнем прошлом и его последствиях).

Чтобы наше общество смогло эффективно реформировать себя, его социально-трудовая и социально-интеллектуальная (и социально-педагогическая и социально-экологическая и т. д.) деятельность должна строиться адекватно новым тенденциям (новым формам социума), которые грядут. Нам нельзя копировать вчерашний день чужой истории только из-за того, что мы отстали. Это – бесперспективно, хотя именно это подсказывают нам столь самоуверенные «лоцманы» и «боцманы» таких традиционных «реформ», проводимых сегодня их авторами – без мысли о состоянии их собственного сознания.

Во-первых, нам необходимо ориентироваться на совершенно новый социум. – А это значит, что этот новый социум невозможно помыслить и понять без чёткого определения его новой СУБСТАНЦИИ, т.е. – его социально-трудовой сферы, без ПОНИМАНИЯ новой концепции ТРУДА. –

Во-вторых, нашему обществу необходима современная, оригинальная творчески-критическая теория нашего СОЦИУМА, в котором пока, к сожалению, – всё ненормально: десятки миллионов людей прошли через ГУЛАГ и десятки лет массы людей жили под игмом страха, под игмом люмпенизации, веруя в то же время в «светлое будущее», ибо такая вера выполняла по существу религиозную функцию «психологической компенсации» за постоянно переживаемое унижение человеческой личности, за страдания, за безвременье. Необходима теория, учитывающая всю необычность нашей истории.

Необходима теория, способная заглянуть в грядущее. А для этого такая теория должна оперировать новыми категориями. «Для переломных этапов человеческой истории всегда характерно радикальное преобразование категориальной модели мира», – пишет акад. РАН В.С. Степин (см. «Вопросы философии», 1994, № 6, с. 10).

В-третьих, когда сегодня мы как общество пытаемся понять своё будущее, опираясь на парадигмы и категории вчерашнего официального сознания, всё ещё крепко сидящего в наших головах, – то это – нонсенс, дурной парадокс, ибо с таким наличным «гносеологическим капиталом» – понять будущее невозможно, а следовательно, и невозможно уяснить себе необходимую социально-практическую деятельность, её содержание, её методологию.

Тезис «если бы президентом определён был я» отнюдь не означает политическую амбицию, отнюдь – не претензия на президентскую роль, так как при трезвом понимании содержания этой государственной функции, не дай, как говорится, Бог, – быть президентом! Особенно, если осознаёшь в себе некоторую способность к научному исследованию!..

Этот заголовок есть не что иное, как выражение методологической позиции: чтобы разобраться в сущности необходимых России реформ, которые составляют главную задачу нашего времени, – надо сформулировать и смоделировать СВЕРХЗАДАЧУ: определить сущность и содержание президентства в нашей стране в наше время, чтобы с позиции (и с точки зрения критериев) этой сверхзадачи оценить и осознать реальную задачу реформ реальной личности реформатора. Есть надобность посмотреть на реформы с более высокой точки зрения, чем та, которую даёт наша обыденная реальность.

Вот в этом смысле здесь и появляется тезис: «если бы президентом определён был я». Главное в том, чтобы понимать этот тезис *как исходящий от читателя*, от избирателя – от массы граждан нашего общества, которые пока не имеют собственного мнения о содержании необходимых нашему обществу реформ. Задача данной работы – в том, чтобы дать активным гражданам страны «координаты» для размышлений на тему о необходимых реформах и, таким образом, – создать массовую аудиторию, способную рассуждать на эту тему «со знанием дела», это – во-первых. А во-вторых, задача состоит в том, чтобы возникла масса членов нашего общества, проявляющая *социальную активность*.

Поэтому нам необходимо овладеть силой критической мысли о наличном мышлении, которое складывалось без влияния подлинной социально-философской культуры. Необходимо конструктивно переосознать своё собственное социальное сознание. Всё это задачи в области духа. Но без их решения не обойтись.

В-четвёртых, для уяснения самим себе положения в стране и определения содержания социальных преобразований, способов **социального** действия (не путать – с экономическим)

необходимо чётко определить методологический отправной пункт. – Он же – и исторический отправной пункт. –

Таким методологическим отправным пунктом является ФАКТ, что в России ни в октябре 1917 года, ни когда-либо позже НЕ БЫЛО *социальной* революции ПОСЛЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО типа, то есть не было социалистической революции в фундаментальном смысле: преобразующей культуру и исторический тип труда, а была лишь политическая авантюра в области надстроечных структур и – психологические иллюзии не очень грамотных людей, что будто бы СОЦИАЛЬНАЯ революция (социалистическая по сути своей) произошла. Социальная революция – это всегда глубокое изменение общества во многих аспектах и прежде всего – скачок в культуре труда (и, следовательно, в технологии, в ценностных ориентациях, в средствах и способах коммуникаций между людьми) – переход к новому способу организации и реализации социальной жизни.

У нас же была всего лишь политическая революция, простая модификация политической власти, т. е. *надстроечная* акция, которая опиралась на механизм самой власти, которая своей жестокостью пыталась заменить отсутствие мудрости и культуры. При этом сохранялись материальные предпосылки жизни старого общества, характерные для капитализма.

До социальной революции послекапиталистического по содержанию масштаба наша страна просто не созрела. Комплекса базисных (фундаментальных) предпосылок социализма просто не было.

Не было и философской революции, которая всегда, – по логике вещей, – должна предшествовать революции СОЦИАЛЬНОЙ (т. е. – трудовой).

Все социальные революции Европы нового времени предварялись философскими революциями, хотя это были буржуазные революции. Сколь же глубоким должен был бы быть «сдвиг и восхождение к высшему» в сфере духовной культуры, в области социального мировоззрения и методологии, в социальной философии, который (сдвиг) должен соответствовать преодолению буржуазной культуры труда как труда меркантильно-утилитарно ориентированного – этого у нас просто не заметили и не учли.

Особенностью ситуации, сложившейся в нашей стране, является то, что хотя социальной революции и не было, но она необходима была и прежде и необходима теперь, ибо Россия хронически отставала от Запада, и преодолеть этот факт отставания можно только СКАЧКОМ, т.е. революцией. **НО ЭТО НЕ ДОЛЖНА БЫТЬ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ**, которую мы пережили и которая ничего не дала.

Речь должна идти о более глубоком преобразовании, чем *экономические и политические* (то есть – с собственностью происходящие) модификации. Речь должна идти о преобразовании ТРУДА как *субстанции* всего социального бытия. Что это значит – будет разъяснено на последних страницах этого введения (в частности – путём модели – графической аналогии, – которая вбирает в себя 5 признаков ТРУДА). Прошу настроить внимание на эту модель.

И как это ни парадоксально, В.И. Ленин мыслил свою «социалистическую» революцию при тех же материальных и тех же идеологических (а именно – антагонистических) отношениях, на которых существовал и существует капитализм, то есть на предпосылках экономики и политики, *не оценивая это критически*. Глубина переворота, ведущего к социализму, как это

теперь со всей определённостью можно сказать, была ему неведома, ибо «социализм» не исключал у него старого разделения труда и его предпосылок и, следовательно, не мог быть фундаментально обоснованным социализмом. От этого впоследствии произошли величайшие несчастья.

Впрочем, в статье В.И. Ленина «О нашей революции» он сам говорит, что никто не знает (и, следовательно, он сам не знал), каков тот «определённый уровень культуры» и цивилизации, который требуется для создания социализма. (См. ПСС, т. 45, с. 381.) А это значит, что если это важнейшее фундаментальное обстоятельство оставалось неизвестным, то ни у В.И. Ленина, ни у его партии не было ориентира, какого же состояния в области материальной культуры необходимо достичь, чтобы состоялся социализм. А без этого руководство революцией и страной выглядело дилетантски. И «электрификация всей страны» здесь не могла помочь, т. к. по электрификации США даже сегодня превосходят нас.

Вот это и есть методологический отправной пункт для исследования и понимания ситуации в стране сегодня. Из этого факта проистекает глубочайшее раздвоение сознания нашего общества, привыкшего считать, что в 1917 году началась эпоха «строительства социализма». И это – в таких обстоятельствах, при которых социалистического сознания не только не могло быть, но оно не могло и возникнуть.

Между тем иллюзии социалистичности нашего недавнего общественного бытия существуют у нас до сих пор и – не только в широких кругах народа, но и партийных кругах парламентских фракций Зюганова, аграриев и других.

Поскольку социальной революции, выражающейся в становлении и в наличии высшей культуры труда, не было, – то и победа над Германией в 1945 году не была победой высшего социального строя; социальность-то определяется трудом, а не политическим идеализмом. –

Это была победа *плотью и кровью*, которая как теперь пишут, унесла 40 миллионов человеческих (солдатских) жизней, что вообще не позволяет говорить о победе, если не иметь в виду пиррову победу, ибо, – по другим подсчётам, – наш народ в этой войне потерял 46 миллионов, т. е. четверть населения страны (см. «Дружба народов», 1989, № 9, с. 242). Можно ли считать нашу победу СОЦИАЛЬНОЙ, если на каждого убитого на фронте немца приходилось, по подсчётам упомянутого журнала, четырнадцать наших ребят (см. там же).

Получается, что коль не было социальной революции, означающей переход к высшей культуре труда и к высшему социальному строю, то не было и социальной победы в войне с гитлеровской Германией.

Получается, что мы заплатили за иллюзию сталинской «социалистической» революции в октябре 1917 года 15-ю миллионами жертв в гражданской войне и 46-ю миллионами жертв в период отечественной войны. Получается, что не дававшее эффекта (НЕ РАБОТАВШЕЕ) новое социальное *качество* нашего общества – правящая на основе диктатуры партия восполняла невероятным *количеством* жертв (как бы по «закону» о том, что «количество, якобы, переходит в качество»), а в своей пропаганде трезвонила о «превосходстве социализма над капитализмом», СКРЫВАЯ ИСТИННЫЕ размеры наших потерь. Сталин, например, явно лгал, когда заявил после войны, что наши военные потери составляют «7-8 миллионов».

В действительности же военный урон был громаден, и мы ещё не знаем его полностью, т.к. неизвестно, например, сколько военнопленных погибло в гитлеровских концлагерях, ибо немцам

не очень удобно заниматься этими подсчётами. К этому гигантскому урону нашего населения, долгие годы скрываемому от народа, надо добавить десятки миллионов жертв прямых и бессмысленных сталинских репрессий (называют цифру в 50 миллионов человек, что в 10 раз превышает население ВСЕЙ Грузии по переписи 1989 г.). И это тоже скрывается от нас до сих пор. Всего получается, что сталинский «социализм» поглотил более 111 млн. человеческих жизней. И это не могло и не может не иметь самых неблагоприятных последствий для России и для сегодняшних реформ.

Но положение осложняется ещё и тем, что «за годы советской власти» (1917-1991) произошла повальная люмпенизация населения, деградация социальной психологии и духовного процесса вообще, так как десятки миллионов людей прошли через тюрьмы, лагеря, «великие стройки», через пресловутый «новый образ жизни» близкий к казарменному коммунизму, в котором полностью нивелируется роль человеческой личности и *провозглашаются* лишь «материальные и культурные потребности всех членов общества» и их «максимальное удовлетворение».

Это привело к охлократизации власти, морали, политики, особенно «в глубинке», на окраинах страны. И это естественное следствие массового уничтожения наиболее ценного контингента населения.

В результате охлократического характера правящих структур у нас стали возможны такие явления, как лысенковщина, породившая отставание в области генетики, третирование кибернетики и последовавшее за нею отставание в создании и производстве ЭВМ и вообще – комплекса информационной технологии, гонения на литературу (Постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград»), репрессии писателей и вообще истребление интеллектуалов, вмешательство без должной компетенции Политбюро в области гуманитарных наук: истории, языкознания, философии, Сталинское «корректирование» политической экономии и т.п. и т.д. Ни одна область духовной жизни не оставалась без невежественного вмешательства охлократических структур.

Всё это вело к искажению духовного процесса и к девальвации ценностей, заслуживающих действительного развития.

И на этой почве нам теперь предлагают развернуть «рынок»?! Что-де нам «мудрствовать вокруг мелочей»: ать-два, «и дело в шляпе».

Но в результате всех перечисленных потерь наша страна была загнана в «ситуацию непрерывного отставания», в «ситуацию неопределённости, которая возрастает по экспоненте», т.е. – лавинообразно.

Мы сегодня имеем в стране такую духовно-психологическую ситуацию, когда громадные массы людей и многие круги специалистов и организаторов производства, по существу, не способны адекватно оценивать, что делать, как делать, какие отношения между людьми приводить в движение, чтобы справиться с противоречиво неоднозначными проблемами, по-разному влияющими на различные области жизни. Следовательно, суть дела не просто в том, чтобы напрямую («в лоб», так сказать) добиваться благосостояния и сытости, а в том, чтобы «лечить» больной социум, чтобы осуществлять новый тип культурно-производственных взаимодействий людей. При всех «плюсах» рыночной организации хозяйства, мы не можем упускать из виду

проблему гуманистической организации жизни общества и человека, жизни, исковерканной нашей недавней историей.

В-пятых, «ситуация непрерывного отставания» и возрастания неопределённости, свидетелями которых мы являемся, порождены тем, что социальный процесс был произвольно разорван и, по существу, – неуправляем. И действительного анализа и оценки нашего общественного бытия, теории, не было. И сегодня её у наших реформаторов нет.

В XX веке более или менее благополучные общества не могут оптимально существовать без богатого спектра социально-научных, гуманитарно-научных изысканий, без аналитических институтов, «мозговых центров», экспертов, консультантов, прогнозистов и прогностики.

У нас же долгие годы ничего подобного не было, а то, что появляется в последнее время, просто копирует западный опыт и не учитывает специфики нашего субъекта труда.

У нас в стране почти сразу же после 1917 г., а особенно с 1922 г., когда за рубеж было выслано почти 170 человек представителей высшей университетской интеллигенции, создались предпосылки теоретического провала в области социальной и социально-культурной.

Лидеры партии были уткнуты в решение узких утилитарных проблем индустриализации, которая, по существу, была перенесением буржуазной промышленной революции XVIII века на нашу столь специфическую почву.

В XX в. лидер, который **не** обладает теорией эволюции социума и методологией перемен, безответственен. **Теоретический провал** ленинской партии привёл к практическому провалу коммунизма. Эта партия и её вожди были ориентированы **только** на сохранение своей политической власти. Гипноз окончательно развеялся только с крахом КПСС в 1991 г. Этот крах и удивил и подтвердил, что без адекватной теории нет эффективной практики. И когда в еженедельнике «Коммерсантъ» от 2-9 сентября 1991 г., с. 7, мы читаем, что КПСС имеет за рубежом вклады на сумму до 100 млрд. долларов, то приходишь к выводу, что вожди КПСС меньше всего думали о коммунизме.

Напротив, на Западе есть масса социально-философских работ, которые, так или иначе, составляют средоточие критического самосознания XX века. Из западных мыслителей XX в. наиболее крупной личностью по всем признакам, несомненно, является Эрих Фромм (1900-1980), а из его работ, важных в затронутом здесь аспекте, – его книга – «Иметь или быть?» (1976), хотя на Западе в XX в. можно назвать много ярких и оригинальных мыслителей, тяготевших к проработке и освоению методологии социально-философской проблематики. Важнейшим моментом творческого наследия Э. Фромма надо считать его ясное и определённое НЕПРИЗНАНИЕ монопольного главенства экономического (да и политического) механизма в организации достойной жизни людей. И этим полезно было бы обогатить своё мышление лидерам России и других республик бывшего Союза, поскольку у нас экономический подход прямо-таки скандально доминирует и вытесняет другие подходы.

Данная работа представляет собой ответ на давно назревшую потребность в жизненной теории и страстный прорыв к «многомерному» осознанию современной исторической эпохи на почве подчёркнуто выраженного теоретического мышления, которое вводит в научный обиход новые категории и концептуальные идеи. Главная задача заключается в том, чтобы довести до ищущего сознания нашего глубоко потрясённого общества, что экономическая ориентация нашей

реформаторской мысли это – лишь ОДНО из направлений необходимого мышления и что экономические проблемы *это, в сущности, мизер* в сравнении с тем, что необходимо осуществить.

Одна из главнейших задач всех размышлений на тему «если бы президентом был я» – состоит в том, чтобы выработать и сформулировать «систему координат мышления», на которую и предстоит (должно) проецировать определённость (или определение) реформ, необходимых СЕГОДНЯ России.

Если принятая сейчас традиционная «система координат мышления» имеет следующие «опорные пункты»: 1) традиционные (механико-физико-химические) технологии; 2) стоимость и собственность; 3) товар и товарный обмен, то НЕОБХОДИМАЯ «система координат мышления» должна включать в себя следующие «моменты долженствования»: 1) технологии, аналогичные тем процессам, которые происходят внутри клетки (= аналогичные фотосинтезу); 2) ценность человеческой личности, её творческого потенциала; 3) приоритет *таланта* и условий его созидания, а не приоритет товара.

В работе сопоставлены такие понятия, как *стоимость* товара и *ценность* творческого потенциала личности, *польза* и *истина*, субъективные потребности индивидов и объективные потребности эпохи, «личный материальный интерес» и его, в сущности, БЕЗЛИЧНОСТНОЕ содержание; существенное значение имеет впервые вводимое РАЗЛИЧИЕ неорганических (или трансформационных) технологий и технологий органических, или высших, с которыми только и может быть связано достижение «высшей производительности труда». Преодолено аморфное толкование категории труда и чётко различается труд, производящий товары, и труд, формирующий таланты; двойственная и тройственная сущность труда; соотнесены понятия гуманизма и утилитаризма, что в нашем социальном мышлении совершенно не практикуется; затронута проблема «профессионального идиотизма», значение которой у нас прикрито огромным «белым пятном» на карте философии нашего социума. А ведь эта проблема связана с пониманием и преодолением отчуждения, без углубления в которую невозможно ничего существенного сказать о реформировании и гуманизации нашего общества!

Словом, работа формирует новый спектр сознания для понимания нашей эпохи. И одним из важнейших моментов формирования этого понимания является указание на факт ТАВТОЛОГИЧНОСТИ, существующей ныне, в методологии подхода к проблемам реформирования нашего общества. Тавтологичность здесь состоит и выражается в том, что экономисты вознамерились экономическими приёмами перестроить экономику, юристы намерены при помощи правовых рычагов создать «правовое государство», а политики при помощи политических ухищрений стремятся достичь политического обновления общества в современную эпоху. Словом – отсутствует метатеоретический подход.

В связи с этим возникает коренной вопрос: является ли реформирование нашего общества *фундаментальным* преобразованием или же представляет собой некую *модификацию* того, что есть?

И ещё вопрос: идёт ли человечество к новому качественному состоянию (и должно ли оно стремиться к этому перед лицом всяческих кризисов, в том числе и *экологического*) или же экономический детерминизм является ВЕЧНЫМ *коренником*, а право и политика – пристяжными в «тройке борзых лошадей», на прицепе у которой мы хотим въехать в будущее гуманное

общество? И возможно ли *это* вообще на такой «тяге»?! Автор данной работы стоит на той позиции, что на старой *основе* обновление нашего общества в современную эпоху невозможно. А старая основа – это экономико-политико-правовой триумвират.

Впрочем, обновление, как уже было сказано, невозможно и без экономической ориентации нашей реформаторской мысли. Но если речь идёт о действительно преобразовательном *мышлении* (а следовательно, и о критическом отношении к ТОМУ, ЧТО ЕСТЬ), то заглавная функция должна принадлежать философии социума – развитию социально-философского прозрения в будущее, а не экономистам, не юристам и не политикам, ибо эти три области мышления (*перед лицом объективных требований грядущего общества*) являются в сущности «реликтовыми» областями мышления и культуры. Хотя, разумеется, культурные моменты экономики, права и политики отрицать никто не будет: речь идёт о ДОМИНАНТНОМ моменте в системе мышления.

Таким доминантным моментом сегодня становится социально-философское прогностическое мышление. Наше общество страдает, прежде всего, от того, что в нём не развита теоретическая функция и, в частности, *нет критического мышления о самом мышлении*, не выясняется проблема *адекватности* мышления ТОМУ состоянию социума, которое должно быть создано в силу объективных требований эпохи. Отсюда и проистекает, что юристы, политики, экономисты оперируют таким «гносеологическим капиталом», который является производным от прошлого состояния общества. А с таким мыслительным оснащением принципиально невозможно сделать шаг в действительное будущее (как в систему отношений *нового* времени, как в *новое историческое* качество субстанциональности и социальности общества) и невольно приходится «повторять зады» старой социальной модели. Таким образом, указывая на тавтологический характер умственных построений наших уважаемых реформаторов, данная работа призвана осуществить определённое освобождающее действие в сфере мышления и открыть новое «мыслительное пространство» перед ищущей мыслью страны.

Легко представит себе возможного оппонента, который, вероятнее всего, будет делать упор на то, что надо-де сначала накормить народ, а затем заниматься вопросами гуманизации общества.

На подобные возражения против социально-философского анализа положения нашего общества следует решительно разяснить, что тезис, построенный в стиле: «сначала накормить, а *потом* заняться гуманизацией» – вообще не является мыслью, мыслительной функцией. Этот тезис есть порождение желудочно-кишечных импульсов и свидетельствует об органическом отсутствии способности *понимать* наше общество как сложнейшее переплетение материальных жизненных отношений и исторических тенденций мирового социального процесса. Сегодня весь мир (а значит и наша страна!) находится в положении, которое содержательно совпадает с пословицей: «Пока взойдёт солнце, роса очи выест». Иными словами: пока мы будем заботиться о производстве средств к существованию, **сосредотачиваясь ТОЛЬКО на этом**, перестанут существовать те, кого собираются *накормить*. Возможные оппоненты, выступающие против развёрнутой на этих страницах системы аргументов, – глубоко ошибаются. Во всяком случае – *ставкой* в сегодняшних теоретических баталиях и в публицистических атаках на проблемы нашего общества в действительности является не корм и не пища, а новая типология и культура труда, которая должна быть создана, чтобы сохранилось человечество и можно было «накормить», *сохранив*.

Предшествующая нашим дням (начала 90-х гг. XX в.) 73-летняя практика оказала глубоко деструктивное влияние на субъекта труда и на самую субстанцию нашей общественной жизни, исказив духовные, психологические (т.е. – сферы социальных чувств касающиеся) и онтологические (= бытийные) предпосылки, необходимые для конструктивного отношения к возникшим ныне проблемам. Имеющийся ныне субъект труда глубоко ориентирован на патерналистскую опеку, но отнюдь не на инициативу и активность, находящиеся на таком уровне культуры, который ныне необходим, чтобы справиться с массой навалившихся на нас проблем и с той неопределённостью состояния и перспектив, которая нарастает лавинообразно.

В такой ситуации стратегическое мышление государства и общества должно делать ставку не просто на *силу товара*, как это просвечивает сквозь «рыночную концепцию» реформирования нашего социального организма, а прежде всего – на силу таланта, **ОПОСРЕДСТВУЯ** получение утилитарной пользы развитием гуманистических составляющих общественного организма. Следовательно, в наших специфических условиях надо **ПРЕДВАРЯТЬ** стремления к товарному изобилию развёртыванием системы отношений, которая сосредоточена на развитии талантов, т.е. на развитии творческой дееспособности общества. – Выше уже было отмечено, что в данной работе чётко различается труд, производящий товары, и труд, формирующий таланты. – Такая стратегия необходима не только из чисто утилитарных соображений, но и потому, что экономика (= рынок) несёт с собой громадное разрушительное воздействие в отношении к природной среде: экономика по сути своей принципиально враждебна экологическому равновесию биосферы, т.к. экономические процессы опираются на деструктивные по природе своей технологии: на механико-физико-химические технологии, принципиально враждебные всему живому.

Именно для преодоления этой негативной стороны экономики и органически характерных для неё технологий – сегодня становится стратегически необходимой ставка на развитие талантов **СВЕРХ ТОЙ МЕРЫ**, которая стимулируется требованиями товарного производства, которое **И** прищипывает человека, **И** ограничивает его, подчиняя талант товару, подчиняя **ЦЕННОСТЬ** творческой личности – *стоимости* вещественной товарной массы, производя которую рынок разрушает биосферу, ибо он ориентирует этику и практику общества на снижение *стоимости* производства, пренебрегая *ценностью* биосферы и ценностью творческой личности как самоцели.

Если мы делаем ставку на «рынок» и, следовательно, – на товарно-денежные отношения, то, тем самым, мы принимаем такую стратегию, при которой человек выступает *лишь* как **СРЕДСТВО** производства товаров, как фактор *зависимый*.

Но так как в нашей стране **не было не только** социалистической **СОЦИАЛЬНОЙ** революции (а значит и не произошло становления новой, высшей культуры труда), но не было и буржуазно-демократического процесса с **ЕГО** культурой труда – то наша экономическая реформа не будет иметь в своём распоряжении такого субъекта труда, который адекватен требованиям этой реформы в конце XX века, когда требования к человеку как к субъекту труда чрезвычайно высоки.

Поэтому нам необходимо параллельно с экономическим принуждением иметь, организовать, процесс гуманистического доразвития человека и общества в качестве социальной субстанции – в качестве субъекта труда, *соответствующего* духу и букве обстоятельств конца XX века. Влияние кибернетизации и информатизации на общество во второй половине XX века, громадные перспективы, вытекающие из создания биотехнологий (и, следовательно, – необходимый для них по уровню своего развития – человек), экологический кризис и особая

потребность, особый спрос на творческий потенциал личности в наиболее развитых странах, – всё это говорит о том, что необходима адекватная социальная, социально-историческая, стратегия.

Но, с другой стороны, общество, которое 70 лет думает, что оно 70 лет было социалистическим, обладает громадной инерцией в сторону этого самого «социализма»: известно, что «бред становится материальной силой, когда он овладевает массами» (по замечательному выражению журналистки Чаликовой), – надо принимать во внимание, что в ТАКОМ обществе возможны авантюры (ибо имеются в наличии политические авантюристы, способные попытаться воспроизвести политический и юридический социализм). Эти *вероятные попытки* обусловлены тем, что ни в одной стране мира нет такого положения, чтобы кладбище и мумифицированные трупы бывших вождей – располагались бы на главной площади столицы государства, являя собой, по существу, символ того, что смерть и мумии теснят собою жизнь и деятельное начало.

Пока в главном городе государства на его главной площади главное место занимает смерть и мумии, Россия не может рассчитывать на подъём и возрождение! Ибо: там, где торжествуют мумии, там неизбежно господствуют *«мумифицированные идеи», мумифицированные мысли* прошлых десятилетий. Как же тут идти в ногу со временем, если представления о будущем остаются на уровне 20-х – 30-х годов? И, по существу, «мумифицированы»?!

Как бы ни складывались обстоятельства в нашей стране далее, до конца 90-х годов, и ещё далее – в начале XXI века, вопрос о соотношении социальных (социальных, а не экономических!) реформ и социальной революции должен быть поставлен. Вопрос этот неизбежно должен быть поставлен и конструктивно и аналитически рассмотрен потому, что Россия отстала от Запада и от своих возможностей, а сверх того – была *задержана* в своём социально-культурном, социально-трудовом, социально-интеллектуальном развитии под влиянием глубоко ошибочной практики большевистских правительств, начиная с Ленина, которому, по его словам, на Россию было «наплевать», ибо он рассматривал её лишь в качестве «растопки» для разжигания пожара мировой революции. Эта же политика продолжилась и при Сталине и при его преемниках. Россию приносили в жертву «мумифицированной» ленинской идее мировой пролетарской революции даже тогда, когда было создано ядерное оружие, когда стало ясно, что по производительности труда не только перегнать, но даже догнать западные страны не удаётся. Более того: обнаружилось отставание по этому показателю, который был определён В.И. Лениным «как самое главное и самое важное для победы нового общественного строя». И всё равно – так называемый «социалистический лагерь» и соответствующий военный «Варшавский блок» строились как силы, которые должны были подорвать и надорвать капитализм с тем, чтобы *ОПЯТЬ-ТАКИ военно-политически* победить, как «победили» в 1917-м (чтобы в 1991-м окончательно обанкротиться!). Негативная установка не могла не оказаться бесперспективной.

Что бы ни толковали о необходимых нам реформах люди из команды Гайдара и сам Егор Гайдар, готовящийся в 1996 г. бороться за должность президента, – сегодня уже должно быть ясно, что сугубо экономический подход имеет три существенных недостатка:

- 1) он неадекватен *«размаху»* задач, объективно стоящих перед страной;
- 2) он негативистичен, так как предполагает на эгоистическом интересе достичь гуманистических целей, а сверх того, возлагает надежды на экономическое *принуждение* в такой стране, которая *пресыщена* насилием и принуждением в отношении к её народам на памяти четырёх поколений XX века;

3) он – не революционер.

Последнее особенно существенно, так как России необходим *качественный скачок* в сфере труда, *и только в этом может состоять смысл её реформ*, то есть – **это должны быть революционизирующие общество реформы**. При этом под *революционным смыслом* реформ имеется в виду отнюдь не пресловутое «революционное насилие», а – возвышение деятельной культуры общества: возвышение к новому типу деятельности.

Это – довольно сложный вопрос, и поэтому необходимо специальное разъяснение, относящееся к самому феномену и к самой субстанции ТРУДА, коррелирующее с реформами как с революционными изменениями – определение *понятия* труда. Положение с уяснением *смысла* понятия «труд» осложняется тем, что, в общем, **все считают, что они это знают**, что это всем известно, ТОГДА КАК НА САМОМ ДЕЛЕ в головах людей на этот счёт присутствует «взгляд и нечто», и необходимая определённость отсутствует.

Характерной особенностью данной работы является органическое единство двух её аспектов: текста и подтекста. Текст выражен тезисом: «Если бы президентом был я». А подтекст сосредоточен в постоянном осознании «причины причин» всего социального процесса – в «проблеме фундаментальности мышления в теории реформирования общества» – на грани новой цивилизации.

Наши нынешние «реформаторы» поголовно ведь не знают, чего надо хотеть обществу 90-х годов XX в. в том положении, которое у нас сложилось помимо их воли и сознания, ибо современная историческая ситуация сложилась стихийно.

Не зная, «чего надо хотеть», они, в сущности, адекватно не знают, чего они хотят – в плане социально-философского мировоззрения. Ибо такового у них нет.

Начнём с того, что ТРУД как понятие, выражающее субстанцию (первооснову) общества, имеет пять существенных признаков. Эти признаки выражают следующие **стороны** (аспекты) субстанции социальной жизнедеятельной определённости: 1) технологическую, 2) ценностную, 3) коммуникативную сторону, ибо труд – процесс коллективный, 4) эстетическую, 5) социальную сторону, так как труд сопряжён с определёнными СПОСОБАМИ коллективной жизни и деятельности.

Все эти пять существенных признаков труда имеют свою историю, свою историческую определённость.

Так, например, технологическая сторона труда, как и другие его стороны, имеет три стадии в своём развитии: 1) *орудия добычи* характерны для первобытного общества; 2) *средства производства* играют *доминирующую* роль с возникновением агрикультуры, ремесла и промышленности, хотя *орудия добычи* и сохраняются как средства охоты, рыбной ловли и т.п.; 3) на третьей стадии, которая обозначилась в наше время и продлится в будущее (её называют «информационной цивилизацией») при сохранении *средств производства* и – совсем малозначащей роли *средств добычи* – доминирующую функцию приобретут *средства развития*, направленность которых будет обращена в сторону человека (на его *развитие*) и на *развитие* форм и способов коллективной жизни и деятельности, сосредотачивая социальное целеполагание на развитии и на реализации способностей и талантов человеческой творческой личности. Если *средства производства* направлены на вещество природы и на энергетические ресурсы, на их

использование, то *средства развития* имеют совершенно определённо выраженную гуманистическую направленность.

Тем самым – процессу труда в целом придаётся новое, совершенно определённо нетрадиционное качественное содержание и, по существу, совершается революция в сфере труда. Тем самым, процесс труда из сугубо экономического процесса, когда вся его активность была сосредоточена на получении СТОИМОСТИ, на продуцировании ТОВАРА, – превращается в такой субстанциональный процесс, который, **прежде всего и главным образом**, создаёт гуманистические ЦЕННОСТИ, ибо **творческая личность**, которая благодаря широкому и многообразному внедрению *средств развития*, приходит на место рутинной *рабочей силы*, обслуживающей *средства производства*, – это уже **категория ценностного ряда**, а сам ТРУД – это уже НЕ ТОТ труд, который был известен первосвященнику Моисею и таможенному чиновнику Адаму Смиуту, а ТРУД высшего социально-исторического качества. Это – в сущности – и есть социальная революция в её технологическом варианте.

Второй существенный признак труда выражается в тех ценностных ориентациях, которые доминируют в данном обществе. Высшей ценностью первобытного кровнородственного общества, в котором семья была единственным социальным отношением, – была честь воина-защитника и доблесть охотника и сохранение рода, сохранение потомства как условия сохранения рода вообще. В классовом обществе, которое пришло на смену кровнородственному обществу, ценностные ориентации эволюционировали в сторону стремления к приобретению материального богатства, и, наконец, деньги стали средоточием и высшим выражением ценностей, хотя в обществе и сохранялось критическое сознание по этому вопросу, ибо деньги есть носитель СТОИМОСТИ, но не ЦЕННОСТИ. Сегодня необходимость различать *стоимость* и *ценность* становится всё более актуальной проблемой, ибо сугубо стоимостная (= экономическая) ориентация человеческой личности становится признаком примитивизма мышления и примитивизма практики. Несомненно, что человечество подошло к грани, переступая которую надо чётко осознавать, что *ценность* и *стоимость* несоизмеримы, и что, следовательно, обмен и, значит, «рынок» – не представляют собой форму и содержание таких универсальных общественных отношений, которые, – чем дальше, тем полнее, – могли бы нас удовлетворять. А как раз – наоборот.

Это «наоборот» объясняется тем, что значение экономических стимулов находится в обратном отношении к социально-культурному прогрессу: чем более человечество будет входить в информационную цивилизацию, тем менее эффективными будут утилитарно-меркантильные стимулы, и люди, являющиеся их носителями. И, наоборот, будет возрастать весомость ценностных категорий и значимость ценности творческой личности как фактора культуры, которая не имеет, ведь, стоимости. И недаром наиболее развитые страны, США, например, откровенно выражают свою заинтересованность в привлечении наиболее выдающихся учёных, деятелей культуры и вообще людей неординарных, так как за этим стоит не только экономический расчёт, но и аксиологические соображения и аргументы, учитывающие и доказывающие, что повышение качественного состава населения – фактор гораздо более весомый, эффективный и перспективный, чем экономическая рентабельность рабочей силы, которая, кроме стоимости, ничего не создаёт.

Творческая же личность как носитель высших ценностей создаёт новое качество труда как новой субстанции социума и новое (высшее) качество общества. А производителем, ведь, в конце

концов, является общество, ибо *производительность* – это социальная, а не индивидуальная способность.

Третий существенный признак труда сосредотачивает в себе знание **об исторической специфике средств и способов коммуникации между людьми**, осуществляющими труд как процесс *продуктивный* и в то же время – как процесс культурный (точнее – социокультурный). Преобладает пока понимание труда как процесса *продуктивного*. Это же характерно и для экономистов и для специалистов по социологии труда. Такое понимание труда характеризует его как объект, как «вещь», подлежащую эмпирическому истолкованию, что, несомненно, ограничивает понимание действительного значения категории «ТРУД».¹

«Труд есть *субстанция*» – вот что следовало бы понять в качестве гносеологической основы и установки для понимания «*труда*». И в качестве *субстанции* труд есть первооснова продуктивной деятельности, первооснова мышления, **СОВЕРШАЕМОГО ВСЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ**, и первооснова социально-культурного процесса, **ИБО труд как в самом себе и из самого себя развивающееся начало** ничего не производит «отдельно», так как, производя «продукты труда», он *одновременно* создаёт мышление и социально-культурный процесс. И – в высшей степени неадекватно мыслить о труде так, будто он может быть товаропродуктивным, не будучи одновременно культуросозидающим. Но в том-то и состоит гносеологическая и методологическая **КОРРЕКТНОСТЬ ПОДХОДА** к труду как к субстанции социального мышления, что **ПЕРВИЧНЫМ, определяющим, системосозидающим** моментом является *культуросозидающий* аспект труда, **И КОГДА ЭКОНОМИСТЫ навязывают** мышлению такую схему рассуждений, *будто бы товаропродуктивная деятельность* является главной и определяющей, **ТО** создаётся ситуация, при которой культуросозидающий процесс будет *буксовать*, и прогресс культуры труда будет невозможен. Поэтому-то и надо отринуть, отвести экономический профессиональный идиотизм. А сделать это можно только в том случае, когда мы понимаем, что труд есть субстанция **СОЦИУМА** в целом и что **ТРУД**, – что бы там от него ни получали, – одновременно созидает мышление и социально-культурный процесс. Иного с ним не происходит, ибо он – **СУБСТАНЦИЯ!**

А теперь пора рассмотреть признак третий – исторически специфические средства и способы коммуникации между людьми – в качестве одного из важнейших существенных признаков ТРУДА.

Самым изначальным средством и способом коммуникации между людьми является звуковая речь.

Но! Это только в том случае, если у вас преобладает *созерцательный* тип или стиль мышления, можно *так* толковать этот вопрос. На самом же деле коммуникабельность и создаётся и обуславливается трудом. Сама по себе звуковая речь есть и момент труда, и продукт труда.

Величайшим изобретением в истории человечества было изобретение письменности, т. е. письменной речи. Величие этого изобретения состоит в том, что оно позволило сделать словесно выраженную мысль – *объектом* самого процесса мышления, поместить перед мыслящим взглядом и позволило многократно обращаться к смыслу словесно зафиксированных мыслей – и мышления – не только современникам, но и потомкам.

¹ См., например, Маркович Данило «Социология труда», М.: Прогресс, 1988.

Разумеется, что при помощи этого изобретения удалось осуществить передачу опыта предшествующих поколений – своим потомкам, что способствовало интенсификации труда, мышления и продуктивной деятельности. И именно на этой основе возникла *культура* – т.е. возможность *накапливать* духовные ценности поколений; ни у китов, ни у дельфинов этого нет, хотя это и высшие животные с хорошо развитым мозгом. Письменность! Книги! Благодаря им коммуникация стала исторически преемственной, т.е. социально-культурно-исторической, а сами люди организовались в культурно-трудовой социум. Вот почему – речь, письменность надо рассматривать как существеннейший признак труда.

Здесь уже упоминалась вводимая мною категория «средства развития». Так вот – письменность это и есть величайшее *средство развития* человека, труда, культуры и мышления. И всё это развитие надо мыслить как происходящее в сфере труда, ибо труд – субстанционален.

К *средствам развития* (к которым у нас при рассуждениях о труде никто не обращается, и вся «социология труда» на этот счёт молчит) надо отнести также производные от письменности: библиотеки, школы, театры, музеи и институты искусства: выставки, галереи, которые тоже учат – *через речь*, и через образ, осмысленный в речевых концепциях. – В более широком смысле к *средствам развития* надо отнести и «инструменты» физического развития: спортзалы, стадионы, спортплощадки, олимпиады и обычную физкультуру. Но это к вопросу о физическом развитии, которое также является важным компонентом труда. –

Во всяком случае – коммуникативная функция речи (устной, письменной и печатной) не должна быть упущена из виду как существенный признак труда.

В обществе первобытных охотников известна была коммуникативная функция одной лишь устной речи (например, звуковые сигналы загонщиков дичи при коллективной охоте).

Письменная и печатная речь в дополнение к устной – сопровождают все формы классового общества, обслуживая различные виды труда. Здесь же телефон, радио, кабельное телевидение.

Сегодня, когда наметился переход к информационной цивилизации, появились такие средства и способы коммуникации как персональные компьютеры и их программное обеспечение. Это чрезвычайно интенсивные средства и способы коммуникации, благодаря им в громадной степени может возрастать скорость общения, масса общающихся индивидов и масса знаний, которая может быть вовлечена в трудовой оборот. Но главное их значение в том, что компьютеризация (если она будет поставлена правильно: то есть – адекватно требованиям наступающей эпохи) должна быть использована как мощнейшее *средство развития* человека, его мышления, его способностей, а через это – и как *средство развития ТРУДА*. Таким образом, реформы в России должны быть нацелены и поняты как РЕВОЛЮЦИЯ в сфере труда. Это прослеживается по всем пяти существенным признакам труда.

Четвёртый существенный признак труда, как уже было сказано, определяет его эстетическую функцию. Революционный смысл необходимых нам реформ заключается в том, чтобы работать над повышением уровня эстетической грамотности нашего населения. Если через технологию человек реализует возможности и способности своей научной рациональности, то **эстетическое познание осваивает мир по законам красоты**. И если – в реформаторском плане – мы думаем о повышении эффективности нашего «человека труда», то надо думать и о развитии его «эстетической хватки», ибо масса людей, остающаяся неэффективной в эстетическом

отношении, будет малоэффективной и в продуктивно-трудовом отношении. И эту массу людей надо учить *красоте*. Ф.М. Достоевский много думал об этом. Но его потомки плохо его понимают.

Эстетическое отношение к действительности, являясь моментом трудовой культуры, не может не **выступать как существеннейший признак труда**, делающего человека ЧЕЛОВЕКОМ. – Экономисты об этом, конечно, не думают, ибо красота не имеет стоимости. – И поэтому – выходит за рамки их интереса.

Из истории первобытного охотничьего общества мы имеем такие эстетические свидетельства, как наскальные рисунки, изображающие животных и сцены охоты. Это были формы и способы магического действия, и – заклинания, и – учёбы, и – познания, и – мобилизации, ибо зверь, на которого охотились, был НЕВЕДОМЫМ и потому – страшным, так как в культуре охотников не было ни трудов Карла Линнея (1707-1778), ни Ж. Сент-Илера (1772-1844), ни Ч. Дарвина (1809-1882).

В таких обстоятельствах эстетическое начало было и стимулом, и способом освоения действительности.

Следующая ступень в развитии эстетического отношения к действительности в процессе труда реализовывалась через решение вопроса о соотношении эстетически прекрасного и нравственно прекрасного, что нашло отражение в реалистическом искусстве и литературе. Искусство и литература у нас в России стали важнейшим моментом определения смысла социальной жизни и, следовательно, самого смысла трудовой деятельности.

Сегодня, с переходом к информационной цивилизации, новые формы искусства и новые формы понятия красоты выполняют функцию углублённого познания действительности, функцию оценок недавнего прошлого и – выработки адекватного взгляда на задачи современности. Эстетический признак труда тем особенно сегодня и важен, что он представляет собой выражение *ценностного* отношения между человеком и миром.

Пятый существенный признак труда выражает, как уже было сказано, определённые формы и способы коллективной жизни и деятельности.

Исторически известны два способа организации коллективной жизни и деятельности: 1) кровнородственный, или родоплеменной, когда семья выступала как единственное социальное отношение, и 2) экономический, при котором отношения собственности выступали как системообразующий фактор, определяющий способ коллективной жизни и деятельности.

Ныне, на грани перехода к информационной цивилизации, когда всё более выясняется, что экономический способ организации органически порочен, т.к. имманентно содержит в себе «ограничение производства потребительных стоимостей – меновой стоимостью» (на что указывалось ещё в XIX веке) (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 46, ч. I, с. 393), – остро назрела необходимость разрабатывать и вводить в широкий обиход более эффективный способ коллективной жизни и деятельности. Если экономический способ имеет в качестве своего целеполагания производство вещей (товаров), то новый – гуманистический – способ организации коллективной жизни и деятельности с необходимостью ставит вопрос о том, чтобы РАЗВИВАТЬ творческий потенциал человека, менять образ жизни в сторону повышения эффективности самого человека как творца. При экономическом способе эффективность общества зависит от применения

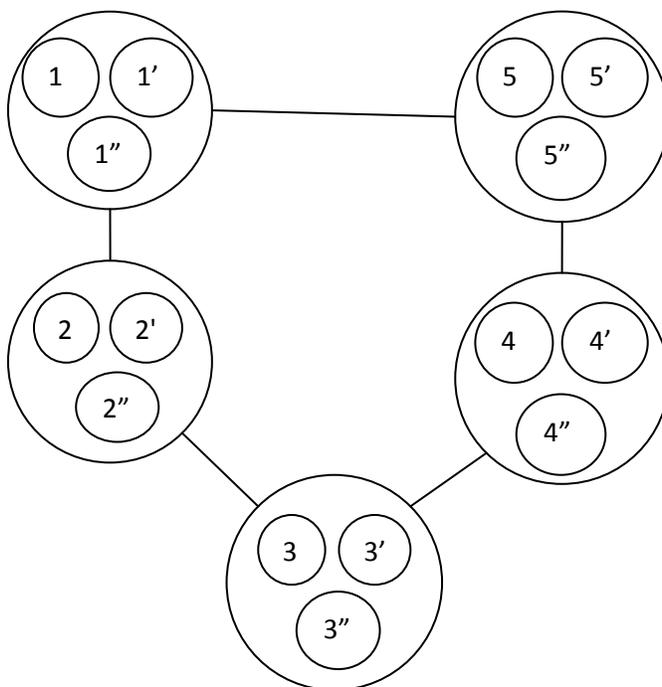
СРЕДСТВ ПРОИЗВОДСТВА. При гуманистическом способе эффективность общества в решающей мере зависит от применения СРЕДСТВ РАЗВИТИЯ, от их влияния на человека.

Немыслимо было бы что-то определённое сказать о содержании нашего реформаторского действия, если бы мы не имели ни малейшего понятия о том, как, в каком направлении надо менять способы коллективной жизни и деятельности.

Если реформы задуманы как программа повышения эффективности системы труда в обществе в целом, то естественно должен возникнуть вопрос о создании ТАКИХ условий жизнедеятельности людей (т.е. – их обучения, воспитания, формирования нравственных и ценностных ориентаций – о создании такого пафоса их жизни), чтобы из этих условий и обстоятельств формировался человек «интенсивного типа», человек творчески-деятельного характера, человек, адекватный тем высшим «велениям времени», которые эпоха *объективно* предъявляет нашей стране, чтобы она пережила подлинное оздоровление и реализовала подлинно гуманистическое развитие.

Пять существенных признаков труда как субстанции (а не как процесса, опосредствующего обмен веществ между человеком и природой!) – это и есть «узловые пункты» ПРОГРАММЫ реформ, имеющих революционное содержание для страны, которую 73 года водили мимо действительно гуманистических целей.

Представляется целесообразным дать графическую модель, графическую аналогию единства этих пяти существенных признаков, чтобы стало наглядно понятно, как вести и в чём состоят реформы:

И если сегодня в головах наших уважаемых реформаторов не будет такой-вот модели труда как СУБСТАНЦИИ социального развития, и если весь их «умственный потенциал» будет замкнут на экономизм, то надеяться России будет просто не на что.